

Оглавление

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	48
Глава седьмая	56
Глава восьмая	67
Глава девятая	78
Глава десятая	89
Глава одиннадцатая	97
Глава двенадцатая	101
Глава тринадцатая	112
Глава четырнадцатая	121
Глава пятнадцатая	130
Глава шестнадцатая	141
Глава семнадцатая	156
Глава восемнадцатая	164
Глава девятнадцатая	177
Глава двадцатая	189
Глава двадцать первая	196
Глава двадцать вторая	209
Глава двадцать третья	220
Глава двадцать четвертая	231
Глава двадцать пятая	239
Глава двадцать шестая	247
Глава двадцать седьмая	258
Глава двадцать восьмая	271
Глава двадцать девятая	281
Глава тридцатая	290
Глава тридцать первая	299
Глава тридцать вторая	311

Глава первая

Над миром нависло проклятье.
И этим проклятьем была я.

Я появилась на свет, напоминая сияющую звезду: голубая кожа, волосы цвета выбеленных солнцем костей. Именно тогда меня и отметили феири, обрекли на жизнь в сопровождении косых взглядов и перешептываний.

«Проклятая», — слышалось в шепоте. «Проклятая», — читалось во взглядах.

Я была живым воплощением феири, а значит, в покое меня не оставят никогда.

С годами кожа приобрела более человеческий оттенок, но волосы по-прежнему выдавали меня. Именно из-за них самые суеверные считали меня подменным, существом из царства феири. Остальные просто думали, что мне не повезло. Большинство жителей деревни, однако, не принимали какую-то конкретную сторону: они не пытались сжечь меня на костре, но все же, завидев меня, на всякий случай переходили на другую сторону улицы.

Неизменным оставалось только одно.

Куда бы я ни пошла, мне бы, скорее всего, не стали доверять. А уж тем более считать своей.

Я не могла их за это винить. Едва ли.

Фейри, отметившие меня, славились своей хитростью и вероломством, они играли людьми. То, что их не видели уже десятилетиями, а кое-где даже веками, не имело никакого значения.

Они оставили след, когда еще были здесь. И последним, судя по всему, была я.

За годы, следовавшие за печальными обстоятельствами моего рождения, я так и не заметила проклятья, нависшего надо мной, но, полагаю, скоро все изменится. Большинство проклятий проявлялось в двадцать первый день рождения, а мой должен был наступить совсем скоро. Чем ближе, тем больше перешептываний и взглядов я притягивала. Вся деревня ждала, следила, затаив дыхание, за приближением момента истины.

И я ждала больше всех остальных... но не по той причине, которую можно вообразить.

Они надеялись, что освободятся от страха.

Я же... втайне я надеялась оказаться проклятой.

Мне была противна мысль, что после стольких лет жизни изгоем я внезапно узнаю, что все это было напрасно.

— Делф, если ты сейчас же не отнесешь бутылку, Рафул тебе голову оторвет.

Я не сразу вышла из ступора, руки настойчиво продолжали полировать и без того уже чистую серебряную тарелку, лежавшую передо мной на буфете. Я так усиленно ее натирала, даже удивительно, что дыру не протерла.

Как всегда, я вздрогнула при виде своего отражения, когда ставила тарелку обратно на полку — один из немногих символов былого богатства поместья Отто. Поместья, давным-давно превратившегося в руины.

Руины или нет, а поместье дало мне работу, когда другие отказали... и, несмотря на сокращающееся с годами количество слуг, продолжало держать меня на службе вопреки советам деревенских. Я сбилась со счета, сколько раз слышала один и тот же вопрос. Уже привыкла не обращать внимания на слова, следующие за суеверными взглядами, ведь интересовало их всегда одно и то же.

«Зачем держать девушку, отмеченную фейри, так близко?»

— Да что с тобой сегодня, Делф? — голос Асциллы снова ворвался в мои мысли, рука, уже готовая отвесить мне оплеуху, зависла в воздухе, когда в узком подвале между нами возник Леофвин, камердинер лорда.

— Ай-ай-ай, Асцилла, — промурлыкал он с насмешливым неодобрением в голосе. — Разве можно себя так вести, когда на носу Мидсоммар?¹ Если Рафул об этом узнает, то нерасторопность Делф будет наименьшей проблемой.

Взгляд Асциллы метнулся вверх, к балкам, пересекающим низкий потолок: потемневшее дерево повреждено крюками, которые в него веками втыкали для подвешивания мяса и высушивания трав.

— Эй, Леофвин, — произнесла я, изворачиваясь, чтобы стукнуть его по затылку. — Я могу сама за себя постоять. Попробуй хоть раз в жизни не совать нос не в свои дела.

Возможно, я не рассчитала силу, он опасно наклонился вперед, пытаясь сохранить равновесие. Естественно, удержаться ему помогла я: его рука обви-

¹ Мидсоммар (швед. «середина лета») — языческий праздник солнцестояния.

лась вокруг моей лодыжки, а сам он почти исчез под многочисленными слоями моих юбок.

— А я-то думал, ты только болтать умеешь, — сказал он, хватаясь одной рукой за край буфета, чтобы подняться на ноги.

Возможности ответить не предоставилось — его вторая рука опасно заскользила вверх под юбкой, и я почувствовала дразнящее прикосновение его пальцев на голом бедре прямо над чулками.

Если бы не тусклое освещение кладовки, я не смогла бы скрыть краску, внезапно прилившую к белым щекам. Рука Леофвина не в первый раз находилась там, куда не имела права залезать... в прямом смысле слова. Хотя за последний год моей службы в поместье я тоже позволила себе изучить некоторые части его тела. Между нами царило полное взаимопонимание, тайна, скрытая в тихих стогах и вздохах, а не словах.

Так было лучше, особенно учитывая, что, когда Леофвин открывал рот, мне хотелось его убить гораздо сильнее, чем затащить в постель.

Я выругалась, неуклюже вертя в руках бутылку вина. Я чуть не выронила ее, когда пальцы Леофвина скользнули еще чуть выше.

— Вообще-то, опасаться стоит тебе, — парировала Асцилла, в ее голосе звучало сильное неодобрение. — Ты не так незаметен, как тебе кажется.

— Ну, совсем скоро мне и не придется быть незаметным. Завтра мы затеряемся в толпе празднующих Мидсоммар. Я бы с удовольствием потерялся еще кое-где.

Даже темнота больше не могла скрыть румянец, полыхавший на моих щеках.

— Не выйдет. Я никуда не пойду. Нужна лорду Отто.

— Ой, какая прекрасная новость, да? Совсем скоро ему, может, и не придется больше бояться едва заметной отметки фейри.

Только после того, как пройдет Мидсоммар и я перерасту возможное проклятье.

Ни для кого не тайна, что у нынешнего лорда было две слабости: вино, настолько старое, что ему не по карману, и женщины, слишком для него молодые. Вино меня не смущало. Что же касается женщин — я не боялась. Лорд Отто никогда не распускал свои своенравные руки в отношении меня. Я с нетерпением ждала каникул, когда остальные слуги разъедутся по домам и в поместье останемся только мы вдвоем, когда отсутствие блуждающих взглядов и болтливых языков будет означать, что мы с лордом станем проводить большую часть вечеров, сидя вдвоем у огня. Он никогда не заговаривал о моей метке, а я, в свою очередь, не переставала подливать ему вина.

Я знала, эта безмолвная дружба не может длиться вечно. Лорд Отто женится на новой женщине, слишком молодой, той, которой не понравится отмеченная фейри девушка, снующая по коридорам, или у него все же закончатся вещи, которые он сможет заложить, и ему придется распустить и без того немногочисленных слуг. Я просто не хотела думать о том, что буду делать, когда этот день настанет.

И уж точно мне не хотелось думать, что этот день придет раньше, чем я рассчитывала.

Пустота разъедала меня изнутри, но обосноваться этому чувству не удалось: рука Леофвина резко взметнулась вверх под юбкой. Взвизгнув, я попыталась отпихнуть его.

— Ах ты, мелкий...

— Что здесь происходит?

Голос, присоединившийся к нам в тесном погребце, заставил нас троих вытянуться в струнку.

Рафул, управляющий поместьем, наблюдал за нами из дверного проема, и неодобрение Асциллы не шло ни в какое сравнение с его собственным. Я еще ни разу не видела, чтобы Леофвин так быстро вскакивал.

— Ничего, сэръ, — ответил он, поспешно отходя от меня на шаг.

Рафул прищурился еще сильнее, но он пришел сюда не из-за Леофвина. Ему нужна была я.

Щелкнув пальцами, он указал на бутылку вина в моих руках:

— Это сегодня не подойдет. У лорда Отто гости.

Я взглянула на бутылку:

— Но он всегда подает гостям это вино.

— Не спорь со мной, девчонка, — прорычал Рафул. Уголки его рта опустились, отчего он стал похож на рассерженную лягушку. Было бы забавнее, если бы не хруст кожаного хлыста, натянутого между заложенными за спину руками.

Мы втроем — Асцилла, Леофвин и я — вздрогнули от этого звука. В доме только один мужчина позволял себе поднимать на меня руку, и это был он. Даже Отто опасался Рафула сильнее, чем я.

— Это не обычный гость, — произнес Рафул, изучая меня взглядом, как всякий раз, когда он раздумывал, стоит ли меня пороть или нет. Обычно стоило. — Подай то, что на самом верху.

Мой взгляд метнулся к полке, о которой он говорил, и, несмотря на кожаный хруст, я не могла не спросить:

— Вы уверены? Осталась всего одна бутылка. Отто...

— *Лорд Отто.* — Напоминание Рафула прозвучало сродни удару хлыста. Я, скорее, почувствовала, чем увидела, как Асцилла и Леофвин отступили еще на полшага, когда дворецкий отошел от двери, сократив расстояние между нами. Я опустила взгляд в пол, зацепившись за особенно интересную трещину в досках. — Если ты не забыла, в поместье ты служишь именно ему. Лорду. Мир вокруг нас может трещать по швам, но титул все еще что-то да значит.

Он остановился рядом со мной; этот мужчина впечатлял не только своим ростом. От его близости я напряглась: для человека, целиком и полностью состоящего из сухожилий и костей, он оставил на моей спине слишком много синяков.

— Уж тебе-то точно не нужно напоминать, — произнес он, и я почувствовала его несвежее дыхание, когда он наклонился к моему уху. — Будь моя воля, я бы давным-давно выгнал тебя из поместья. Будь моя воля, тебя бы вообще сюда не пустили.

— Ну что ж, — ответила я, тут же пожалев, что не прикусила язык и не проигнорировала его. — Полагаю, я должна быть счастлива, что от вашей воли ничего не зависит.

Мне уже доводилось видеть, как хмурится Рафул, но в этот раз все было иначе.

Я почти физически ощущала, как на моей спине начинают появляться следы от ударов. Я знала, что меня ждет. Рука Рафула поднялась, и я приготовилась к боли, которая должна была за этим последовать. Так и произошло.

Обе лопатки обожгло; удары были осмотрительно нацелены чуть ниже выреза моего платья, чтобы лорд Отто не заметил. Я стиснула зубы, стараясь не издать ни звука. Такого удовольствия я Рафулу не доставлю.

Наградой за мое молчание послужил третий удар, на этот раз нанесенный не так расчетливо. Я почувствовала, как изменилось положение Рафула перед тем, как кожаный хлыст опустился на тело, слишком высоко — ткани, чтобы смягчить вспышку боли на спине, не было.

Я прикусила язык, чтобы не вскрикнуть; привкус железа во рту был горче желчи.

Рафул выпрямился, лицо его горело, а глаза коварно поблескивали. Он не скрывал, что ему нравится издеваться над нами. Подняв одну руку, он стер пену с губ и подбородком указал на оставшуюся бутылку вина, все еще стоявшую на верхней полке.

— Принеси ее в западную гостиную, а потом отправляйся к себе и больше не выходи. Лорд Отто отдал четкий приказ: слуги не должны беспокоить его гостя. В любом случае ты не в том состоянии, чтобы показываться на глаза кому бы то ни было.

Он имеет в виду мои окровавленные десны и длинный красный след над лопатками.

Естественно, Рафул пришел не для того, чтобы передать мне приказ лорда. Он пришел за изошренным удовольствием и, как обычно, получил его.

— Я поговорю с лордом Отто. Слишком уж хорошо тебе здесь живется. Я его предупреждал, что так и будет. А теперь пошевеливайся, лорд уже заждался.

Я приподнялась на носочках, чтобы достать бутылку, но мои пальцы лишь коснулись края полки. Боковым зрением я заметила, как Леофвин дернулся в мою сторону, чтобы помочь, и тут же отступил под острым взглядом Рафула.

— Уверен, тебе есть чем заняться, пока поместье не закрылось на праздники. Если только не хочешь остаться с Делф.

Леофвин недолго сомневался — кивнув, он отступил:

— Как скажете, Рафул.

Ни Асцилла, ни Леофвин не осмелились встретиться со мной взглядом. Как только мы остались одни, Рафул тут же очутился рядом. Притворившись, что достает бутылку, он всем телом навалился на меня, пока я не оказалась прижата к деревянной мебели. Грудью он вжался мне в спину, пуговицы его формы терлись о свежие раны на коже.

Он задохнулся от возбуждения, когда я не смогла сдержать вскрика. Затылком я почувствовала его горячее дыхание, разящее украденным вином и гнилыми фруктами.

— Еще чуть-чуть, и Отто поймет, что в тебе нет ничего особенного, — сказал он, даже не потрудившись говорить тише. — Думаешь, он защитит тебя? Я вышвырну тебя из этого великого дома напрямиком на улицу, где всегда и было твое место. Помяни мое слово.

Свободной рукой он схватил меня за плечо, большим пальцем впиваясь в свежую рану. К глазам против воли подступили горячие слезы, а вместе с ними во мне начала закипать злость.

— Думайте, что хотите, Рафул, — огрызнулась я в ответ, наконец освободившись от его хватки, — но это не великий дом. Уже нет. Причем довольно давно, и дело в таких трусах, как вы, а не во мне.

Выхватив из его рук бутылку, я вылетела из кладовой, пока он не успел снова ударить меня. Я понимала, что ответ был глупым, что поплачусь за него позже.

Мне было все равно. Я никогда не умела вовремя прикусить язык.

В своей слепой ярости я совершенно забыла, в какую из гостиных должна была отнести бутылку. Как только я открыла дверь, то поняла, что выбрала не ту комнату. Внезапно возмездие дворецкого показалось мне наименьшей проблемой.

Ведь прямо передо мной стоял фейри, первый за многие десятилетия.

